

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СИТУАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6
EDN: EUNEOQ

Конструируемое и реальное в медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией

Ссылка для цитирования: Якоба И. А. Конструируемое и реальное в медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 93–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6; EDN: EUNEOQ.

For citation: Yakoba I. A. The Constructed and the Real in Mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 93–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6; EDN: EUNEOQ.

Якоба Ирина Александровна^{1,2}

¹Иркутский национальный исследовательский
технический университет, Иркутск, Россия;

²Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

irina_yakoba@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 518917

Аннотация. Конструирование дискурса как способа воздействия в современном медийном пространстве получает все более широкое распространение. Воздействующий потенциал дискурса раскрывается посредством моделирования оценочной интерпретации дискурсивного события-аттрактора в массмедийном пространстве. Данное исследование выявляет и демонстрирует особенности конструирования новых ценностных установок события-аттрактора в медийном дискурсе для смещения идеологических ценностей, переписывания исторических фактов с заданной идеологической позиции. Объектом исследования выбран референт событий Великой Отечественной (Второй Мировой) войны, антироссийская интерпретация которого представлена в резолюции европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» и заявлении М. Моравецкого на ответное заявление В. В. Путина на неформальном саммите СНГ. Методами исследования определены аксиологический анализ, интерпретационный анализ в русле инференции, когнитивное моделирование, критический дискурс-анализ и метод деконструкции. Исследование демонстрирует каким образом данная резолюция и заявление Моравецкого конструируют ложную интерпретацию исторических фактов Второй Мировой Войны для смещения ценностей адресата, активируя лингвокогнитивные механизмы: спин-докторинг, фокусирование, дефокусирование, фреймирование, рефреймирование, позиционирование, имажинеринг. В результате исследования делаются выводы о потенциале дискурсивных инструментов для идеологического воздействия на адресата. Выявлено, что переноминация и переоценка катастрофических событий в прошлом, которые являются вымыслом адресанта, преподносятся как реальность. Конструируется

альтернативный сценарий прошлого, который выдается за реальное состояние дел, что может запутать адресата со сниженным уровнем критичности при восприятии внушаемой информации. Следовательно, предполагается, что манипулятивное воздействие адресанта нацелено на изменение ценностных установок адресата. Развитие дискурсивных технологий по смене социально-политических позиций некритически мыслящего адресата и формирования антироссийских аксиологических ориентаций молодого поколения способствует смещению высших ценностей, а своевольная трактовка исторических фактов на Западе приобретает регулярный характер. Представленные когнитивные модели новых конструируемых политических позиций, содержат аксиологические аттракторы, лингвокогнитивные механизмы и дискурсивные стратегии, выявленные в процессе анализа.

Ключевые слова: конструирование дискурса, интерпретация, аксиология, оценка, война

Введение

В последние годы даже на официальном уровне широко распространяются всевозможные информационные фейки с целью дестабилизации международных отношений в своих интересах, продвижения своих идеологических позиций. Перед человечеством встают политические проблемы: каким образом преодолеть кризис в международных отношениях, и одновременно как защитить итоги Второй Мировой войны. При этом некоторые политические субъекты явно ведут дело к пересмотру этих итогов, для чего пытаются формировать ложные интерпретации истории войны, пользуясь массовым историческим невежеством.

Целью данного исследования являются выявление и демонстрация конструирования ложной оценочной интерпретации дискурсивного события-аттрактора в медийном пространстве на примере интерпретации событий Второй Мировой войны. Медийное пространство рассматривается нами в аспекте оценочных возможностей дискурсивной коммуникации между адресантом и массовым адресатом. Массовая медийная коммуникация представляет собой систему социального взаимодействия особого рода, в центре внимания которой находится общество [3, с. 20]. Несомненно, массмедиа обладает огромным воздействующим потенциалом, способствует «оценке окружающей действительности, воздействуя на общественное сознание и моделируя соответствующую картину мира» [там же, с. 22].

Для создания безопасного информационного пространства необходимо противостоять антироссийским информационным фейкам. Одним из способов эффективной защиты является повышение уровня осознанности у населения и разъяснение дискурсивных способов конструирования псевдофактов и способов искажения информации западными СМИ. Отметим, что для интерпретации событий и события-знака адресант и адресат представляют дискурс как «репертуар интерпретации» [23, с. 169]. В процессе конструирования дискурса создаются взаимосвязи между событиями, локализованными в медийном социальном дискурсе, основанными на совокупности текстов СМИ и социальных медиа, что обуславливает значимость категорий интердискурсивности и интертекстуальности.

Логично предполагать, что конструирование и распространение иного ценностного отношения к персонам, событиям, историческим фактам посредством медийных каналов используется для воздействия на ценности адресата. Контроль и доминирование в СМИ становятся всеохватывающими, адресат постоянно подвергается воздействию манипулятивных приемов, методов, технологий. Прошлое становится политической мишенью для изменения отношения к некоторым событиям, смещения ценностей. Воздействие происходит на рациональный и эмоциональный уровни «*cogito*» (как рефлексивный акт сознания) адресата, давление оказывается на триггерные зоны и болевые точки. Данные идеи подтверждаются высказываниями известных ученых. «Воздействуя на реципиента, мы стремимся “спровоцировать” его поведение в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности “слабые точки”, выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них» [13, с. 273]. «Воздействие на социальном уровне представляет собой влияние на человека как представителя той или иной общности, группы и осуществляется целенаправленным выбором средств воздействия – авторитетом, манипуляциями, аргументацией, силой» [10, с. 130].

Теоретическую базу исследования составили: теория деконструкции дискурса Ж. Деррида [6; 7]; теория оценки Н. Д. Арутюновой [1; 2]; положения синергетики и лингвосинергетики Г. Хакена [24; 25], И. А. Герман [4; 5]; модель открытости смысловых произведений и интерпретативных процессов У. Эко [27; 28]. Также мы опирались на цикл исследований, проведенных Институтом социально-политических исследований (ИСПИ ФНИСЦ РАН) и Московским институтом социально-культурных программ под руководством В. Н. Иванова, В. К. Сергеева [8].

Описание методики исследования

Методологическая база исследования основывается на аксиологической параметризации дискурса [20], концепции «Умной настройки» дискурса [28], концепции технологизации дискурса [18]. Основными методами исследования являются лингвоаксиологический анализ, использующийся для выявления аксиологических компонентов текста, системы ценностей и оценок; когнитивное моделирование, позволяющее графически представить, реконструировать ментальные структуры (механизмы, стратегии, аттракторы), стоящие за словом; метод когнитивной интерпретации, который позволяет понять взаимодействие мышления, языка, интерпретировать и описать дискурс реагирования, вербализацию когнитивных механизмов; метод деконструкции, позволяющий «разобрать по косточкам» конкретный дискурс, понять его инструменты на разных языковых уровнях и потом снова «собрать» дискурс, чтобы выявить скрытый смысл.

Постановка и решение проблемы осуществляются в адресатоцентричном аспекте интерпретационной лингвистики [11], что подразумевает понимание интерпретации как процесса восприятия и осмысления текста. При этом считается, что адресат действует самостоятельно, незави-

симо от интенций адресанта. Говоря об ожидании адресата, Ю. М. Лотман делает акцент на изначальной установке читателя. Он выделяет «ритмическое ожидание, стилистическое, образное, жанровое и т. п., которые подтверждаются или не подтверждаются прочитанным текстом» [15, с. 11–12]. Дотекстовое ожидание во многом определяет вариативность интерпретации: каждая индивидуальная личность (тип личности) актуализирует в интерпретируемом тексте релевантные в данной коммуникативной ситуации компоненты, коррелирующие с его дотекстовыми ожиданиями, и оценивает по сложившейся шкале оценок [12, с. 58].

Терминологический аппарат исследования

Исследование основано на выявлении аттракторов, лингвокогнитивных механизмов и дискурсивных стратегий, лежащих в основе конструирования дискурса. *Аттрактор* несет смысл дискурса, вызов для привлечения внимания адресата, направляя или меняя его когнитивные процессы. *Лингвокогнитивный механизм* выступает способом формирования (создания и осознания) смысла и его вербализации. *Дискурсивная стратегия* это вербальный замысел сообщения, который используется для создания плана действий, аргументированного в сообщении. Лингвокогнитивные механизмы, выявленные в ходе анализа, перечислены и охарактеризованы ниже.

Имажинеринг визуализирует идеи, описывая яркие образы того, что было, есть или будет, которые вызывают эмоции: гнев, страх, гордость и т. д. Выделяются подвиды: драматизация, гиперболизация, искривление, интенсификация, редукция.

Метафоризация – механизм для осмысления новых концептов через усвоенные ранее концепты. Ассоциации, проводимые посредством метафоры, помогают «увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенный в одной области, для решения проблемы в другой области» [16].

Позиционирование разделяет объекты на противоположные или противоборствующие элементы: друг – враг, хорошие – плохие, свои – чужие и т. п. Выделяются подвиды: единение, оппозиция.

Цель *спин-докторинга* – намеренно осветить событие, происшествие, действие необъективно. «Предположение, подтверждающее желаний и надежды адресатов, принимаемое без тщательного доказательства и обоснования» [19, с. 2].

Фокусирование выделяет только один аспект из многих, привлекает внимание к фрагменту события, происшествия, действия, смещает смысл, изменяет модальность нарратива. Фокусирование позиционируется как механизм распределения внимания [22].

Дефокусирование, наоборот, выводит из фокуса внимания адресата те стороны, от которых надо отвлечь и пропустить, переводит такую информацию в разряд незначимой, что способствует «с помощью языковых средств понижать степень выделенности тех или иных объектов» [9].

Фреймирование способствует рассмотрению ситуации или явления с некоторой ценностной или политической позиции в структуре определенных идеологических рамок. Фреймирование – это процесс, в котором понимание и оценивание регулируются «сообразно присвоенным значениям» [30, с. 93]. *Фрейм* (англ. frame – рамка, каркас) является таким образом *ментальной репрезентацией* события.

Рефреймирование способствует намеренному перескакиванию с одного фрейма на другой, подменяя ценности и смещая отношение к персоне, событию, происшествию, действию, как бы переписывая его заново, как совсем иное. Рефреймирование определяется как «процесс перепрограммирования сознания» [21].

Результаты и обсуждение исследования

В современных западных СМИ, ведущих активную антиросийскую пропаганду, на сегодняшний день наметилась тенденция к отождествлению СССР и нацистской Германии, приравнивать Сталина к Гитлеру, а значит – обвинять в нацистских взглядах (в особенности с учетом присоединения Крыма) Россию как наследницу СССР и называть Путина наследником Сталина, что, в свою очередь, дает повод правительствам Запада начинать войну с РФ [14, с. 88]. Рассмотрим референты события-аттрактора причин и итогов Великой Отечественной (Второй Мировой) войны. Началом дискуссии послужила резолюция Европарламента от 19.09.2019, в которой была изложена ложная интерпретация причин начала Второй Мировой войны. Определим, какие лингвокогнитивные механизмы активируются в каждом случае, и каким образом они реализуются в дискурсе.

(1) B. whereas 80 years ago on 23 August 1939, the communist Soviet Union and Nazi Germany signed a Treaty of Non-Aggression, known as the Molotov-Ribbentrop Pact, and its secret protocols, dividing Europe and the territories of independent states between the two totalitarian regimes and grouping them into spheres of interest, which paved the way for the outbreak of the Second World War¹ (тогда как 80 лет назад, 23 августа 1939 года, коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали Договор о ненападении, известный как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретные протоколы, разделившие Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами. и группирование их по сферам интересов, что подготовило почву для начала Второй мировой войны). Данный фрагмент акцентирует внимание на одном из договоров, которые Германия подписывала со многими европейскими государствами в 1930-х гг. В резолюции Европарламента умалчивается, что этот договор был последним в ряду других (Германии с Польшей, Великобританией, Францией, Литвой, Латвией), а СССР был последней стра-

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 25.04.2020).

ной, подписавшей подобный договор о ненападении¹. Своевольное наименование договора «пактом» по именам министров иностранных дел Советского Союза и фашистской Германии, подписавших его, Молотова и Риббентропа (*the Molotov-Ribbentrop Pact*), указывает на негативное, уничижительное отношение Евросоюза к данному документу, позволяет сместить фокус на вину подписавших его конкретных личностей, что указывает на активацию механизма фокусирования. Использование конверсивов, уточняющих, что данный договор «подготовил почву» (*paved the way*) для «внезапного начала» (*outbreak*) войны сразу ориентирует восприятие адресата в определенном оценочном направлении и подмену понятий, что указывает на активацию механизма спин-докторинга. Сравнение СССР и фашистской Германии как двух тоталитарных режимов (*the two totalitarian regimes*), объединенных одной целью (*dividing Europe and the territories of independent states*) позволяет поставить на один уровень нацистский режим и социалистический строй, имплицитно мыслить об их равной отрицательной мощи, что снова указывает на активацию механизма спин-докторинга. Пресуппозиция разделения зон влияния в Европе (*dividing Europe ... and grouping them into spheres of interest*) смещает внимание, позволяет умолчать о попытках СССР защитить Чехословакию от аннексии территорий Германией, Польшей и Румынией, что указывает на активацию механизма дефокусирования.

(2) *C. whereas, as a direct consequence of the Molotov-Ribbentrop Pact, followed by the Nazi-Soviet Boundary and Friendship Treaty of 28 September 1939, the Polish Republic was invaded first by Hitler and two weeks later by Stalin – which stripped the country of its independence and was an unprecedented tragedy for the Polish people – the communist Soviet Union started an aggressive war against Finland on 30 November 1939, and in June 1940 it occupied and annexed parts of Romania – territories that were never returned – and annexed the independent republics of Lithuania, Latvia and Estonia² (тогда как, как прямое следствие пакта Молотова-Риббентропа, за которым последовал нацистско-советский договор о границе и дружбе от 28 сентября 1939 года, Польша подверглась вторжению сначала Гитлера, а две недели спустя Сталина, что лишило страну ее независимости и стало беспрецедентной трагедией для польского народа – коммунистический Советский Союз начал агрессивную войну против Финляндии 30 ноября 1939 года, а в июне 1940 года оккупировал и аннексировал части Румынии – территории, которые так и не были возвращены – и аннексировал независимые республики Литвы, Латвии и Эстонии).* Выстраивание событий в псевдо-последовательности, смещение смысловых акцентов, модальности, использование негативно-оценочных высказываний (*was invaded, stripped the country, aggressive war, occupied and annexed, an unprecedented tragedy, that were never returned*) позволяет открыть возможности для переписывания истории, активируя комплекс лингвокогнитивных механизмов, описанных далее.

¹ Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 19.06.2020).

² European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 25.04.2020).

Во-первых, соединение в одну логическую цепочку зависимости подписания договора о дружбе и границах (*the Nazi-Soviet Boundary and Friendship Treaty*), который рассматривается как секретный протокол, и нападения на Польшу (*the Polish Republic was invaded first by Hitler and two weeks later by Stalin*). Указание на прямое следствие (*a direct consequence*) подписания пакта как причину лишения Польши независимости (*stripped the country of its independence*) конструируется механизмом фреймирования.

Во-вторых, Польша была захвачена войсками Германии 1 сентября 1939 г., а рассматриваемый договор подписан 28 сентября 1939 г., что указывает на обратную последовательность событий. Следовательно, данное высказывание (*a direct consequence of the Molotov-Ribbentrop Pact, followed by the Nazi-Soviet Boundary and Friendship Treaty of 28 September 1939, the Polish Republic was invaded first by Hitler and two weeks later by Stalin*) не соответствует действительности. Происходит активация механизма спин-докторинга.

В-третьих, утверждение, что Советский Союз начал агрессивную войну против Финляндии (*the communist Soviet Union started an aggressive war against Finland on 30 November 1939*) искажает и преувеличивает факты, подтвержденные документально. «В течение 1938–1939 гг. велись переговоры, в ходе которых Москва стремилась обеспечить безопасность Ленинграда, передвинув границу на Карельском перешейке. Взамен Финляндии предлагались территории Карелии, большие по размерам, и определенная сумма для переселения жителей»¹. Следовательно, СССР вел переговоры с Финляндией, которые оказались безрезультатными, по вопросу обмена территориями, за несколько месяцев до 30.11.1939 г. Во время продолжения территориального конфликта обе стороны начали приготовления к войне и проводили активную политическую взаимную антипропаганду. Прямым следствием Зимней войны стало то, что Финляндия в 1941 г. присоединилась к Германии в нападении на Советский Союз². Таким образом, умалчивание одних фактов и искажение других активизирует механизмы спин-докторинга и дефокусирования.

Далее говорится об оккупации и аннексии части Румынии, Литвы, Латвии и Эстонии (*it occupied and annexed parts of Romania – territories that were never returned – and annexed the independent republics of Lithuania, Latvia and Estonia*). Применение механизма спин-докторинга для искажения исторических фактов позволяет сконструировать такие события, принятие которых адресатом было бы выгодно адресанту. Согласно историческим данным с 28 сентября по 10 октября 1939 г. СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, по которым эти страны предоставили СССР свою территорию для размещения советских военных баз³.

¹ Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. История. РФ. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/sovietsko-finskaia-voina> (дата обращения: 25.04.2020).

² Вихавайнен Т. Зимняя война глазами финнов. URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/zimnyaya-voyna-glazami-finnov/> (дата обращения: 10.10.2020).

³ Айрапетов О. Эстония, Латвия и Литва в советской политике осенью 1939 года. URL: <https://regnum.ru/article/2925681> (дата обращения: 10.10.2020).

Конфликт СССР с Румынией произошел через год (в июне 1940 г.) и «был разрешен мирным путем, войска Южного фронта получили приказ осуществить операцию по «мирному» варианту плана»¹. Румынская сторона не предприняла никакой акции юридического характера, которая объявляла бы передачу Бессарабии незаконным актом как с точки зрения международного права, так и с позиций румынского национального законодательства. Наоборот, приняв советское предложение, румынское правительство де-факто и де-юре признавало, что передает СССР не принадлежащую Румынии советскую территорию [17]. Использование конверсивов «оккупация» и «аннексия» имеет идеологически-пропагандистский характер и отмечается только в последние годы в связи с намерением ценностно переориентировать румынское население.

В резолюции Европарламента умалчивается, что разделение Румынии совершали другие соседние государства – Венгрия и Болгария: «итало-германское вмешательство заставило Румынию передать Северную Трансильванию Венгрии (30 августа 1940 г.) и Южную Добруджу (7 сентября 1940 г.) Болгарии»². Все эти дискурсивные трансформации указывают на действие механизмов спин-докторинга, дефокусирования и рефреймирования.

(3) K. whereas despite the fact that on 24 December 1989 the Congress of People's Deputies of the USSR condemned the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact, in addition to other agreements made with Nazi Germany, the Russian authorities denied responsibility for this agreement and its consequences in August 2019 and are currently promoting the view that Poland, the Baltic States and the West are the true instigators of WWI (тогда как, несмотря на то, что 24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР осудил подписание пакта Молотова-Риббентропа, а также других соглашений, заключенных с нацистской Германией, российские власти отказались от ответственности за этот договор и его последствия в августе 2019 года и в настоящее время продвигают точку зрения, что Польша, страны Балтии и Запад являются истинными зачинщиками Первой мировой войны).

Навязывание переоценки ценностей, противоположная интерпретация ролей участников войны, событий и их значения для настоящего, включает действие комплекса механизмов. Соединение реальных и вымышленных фактов позволяет суггестивно воздействовать на адресата: представление сначала фактов, соответствующих действительности, повышает уровень доверия адресата, что может стать причиной принятия вымышленных фактов без тщательной исторической проверки данных. Так, в начале, в первой части предложения, информация соответствует действительности (*on 24 December 1989 the Congress of People's Deputies of the USSR the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact*). Однако далее информация искажается. Во-первых, замена слов «осуждать» на «отрицать ответственность» меняет смысл всего высказывания: *condemned the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact u denied responsibility for this agreement*. Во-вторых, вырывание предложения из

¹ Оккупация Советским Союзом Бессарабии и Буковины. Eurocentrist. LifeJournal. URL: <https://eurocentrist.livejournal.com/#post-eurocentrist-15812> (дата обращения: 10.10.2020).

² Королевство Румыния. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6348&PORTAL_ID=6348 (дата обращения: 25.04.2020).

контекста без следующего за ним предложения искажает идею всего документа. Приведем как пример п. 7 Постановления Съезда народных депутатов от 24.12.1989: «7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»¹. Уточнение о признании договоров недействительными в резолюции Европарламента опускается, однако, данный факт осуждения договора Съездом народных депутатов привязывается к другому по хронологии факту отрицания ответственности Российскими властями (*the Russian authorities denied responsibility for this agreement*). Посредством противопоставления решений современного руководства России и съезда народных депутатов СССР обнаруживается введение негативной валоризации первого, что указывает на действие механизма позиционирования в подвиде оппозиция.

К тому же, пресуппозиция «*Российские власти отрицают ответственность за это соглашение*» вуалирует действительные интенции Европарламента обвинить уже нынешнюю Россию (как политический субъект Российская Федерация) в развязывании войны. Использование негативных конверсивов «*подстрекатель, провокатор*» по отношению к некоторым европейским странам от имени России направлено на обострение международных отношений и изменение исторических данных, сдвигая ценностные ориентиры и меняя идеологическую позицию на определение истинных зачинщиков войны: *are currently promoting the view that Poland, the Baltic States and the West are the true instigators of WWII*. Синергичное действие механизмов спин-докторинга, позиционирования, дефокусирования способствует направлению внимания адресата по траектории негативного отношения к России.

(4) 16. *Is deeply concerned about the efforts of the current Russian leadership to distort historical facts and whitewash crimes committed by the Soviet totalitarian regime and considers them a dangerous component of the information war waged against democratic Europe that aims to divide Europe, and therefore calls on the Commission to decisively counteract these efforts* (Глубоко обеспокоен попытками нынешнего российского руководства исказить исторические факты и обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, ведущейся против демократической Европы и направленной на раскол Европы, и поэтому призывает Комиссию решительно противодействовать этим усилиям). Стратегия «перекладывания вины» (*the efforts of the current Russian leadership to distort historical facts and whitewash crimes*) как актуализация механизма спин-докторинга получает все более широкое распространение. Использование разговорного метафорического выражения «отбеливание преступлений» (*whitewash*

¹ Постановление СНД СССР от 24.12.1989 п 979-1 о политической и правовой оценке Советско-германского договора о ненападении от 1939 года URL: <https://www.lawmix.ru/docs/ссср/1241> (дата обращения 23.10.2019).

crimes) сконструировано по аналогии с метафорой «отмывание денег» и отражает негативное ценностное отношение адресанта. Печально известная технология «Окно Овертона», используемая для смещения шкалы ценностей [29], все чаще обнаруживает свое действие в западном медийном пространстве. Стратегия «отзеркаливания» (*a dangerous component of the information war waged against democratic Europe*) активизирует механизм рефреймирования и наблюдается, когда действия, взгляды и ценности, которые принадлежат адресанту, намеренно приписываются адресату. Таким образом, приводятся в действие известные изречения: «кто первый встал, того и тапки» или «лучшая защита – это нападение».

Когнитивная модель инструментов, конструирующих резолюцию Европарламента представлена на рисунке 1. В центре модели расположены аксиологические аттракторы, нацеленные на привлечение внимания к проблеме причин и итогов Второй Мировой Войны: *война, оккупация, территория, тоталитарный режим*. Вокруг расположены механизмы и стратегии, посредством активации которых конструируются нужные идеи для смещения смысла и ценностей.

Рис. 1. Когнитивная модель конфликтного дискурса резолюции Европарламента
 Figure 1. Cognitive model of the conflict discourse of the European Parliament resolution

На рассмотренную нами выше резолюцию последовал ответ президента России В. В. Путина на неформальном саммите СНГ (20.12.2019)¹. Этот ответ обладает персуазивностью, сконструирован на основе модализации необходимости (*старался, пытался, вынужден был*), нарратива-объяснения (*Да, там есть секретная часть о разделе какой-то территории. Но мы не знаем, что есть в других соглашениях европейских стран с Гитлером. Потому что если мы вскрыли эти документы, то в западных столицах это все хранится под грифом «секретно». Мы ничего не знаем, что там было. Но нам теперь и знать не нужно, потому что мы по фактам видим, что сговор был*), механизмов фреймирования (*И в этом участвовал не только Гитлер, но и прежние руководители этих государств. Именно это и открывало Гитлеру движение на восток, именно это и послужило причиной начала Второй мировой войны*) и фокусирования (*мы видим, что был раздел независимого демократического государства – Чехословакии*). Логичная аргументация в сдержанном нейтральном тоне, интенциональность на дружелюбие и сотрудничество позволяют не только опровергнуть искаженные факты, но и вернуть диалог в прежнее русло, отстаять свою политическую позицию. Игнорирование нападок и обвинений способствует конструктивному диалогу, снижает конфликтность ситуации посредством действия стратегий создания диалогичности и бесконфликтного отстаивания своей позиции. Представим когнитивную модель инструментов дискурса Путина, гасящего конфликт, на неформальном саммите СНГ на рисунке 2.

Рис. 2. Когнитивная модель инструментов бесконфликтного дискурса В. В. Путина

Figure 2. Cognitive model of conflict-free discourse tools by V. V. Putin

¹ Путин В. В. Выступление на неформальном саммите СНГ 20 декабря 2019 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (дата обращения: 25.04.2020).

В ответ на выступление В. В. Путина, премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий опубликовал заявление (29.12.2019) на английском языке, на своем официальном сайте¹. В целом, как утверждает информационно-аналитический российский интернет-источник «статья премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого о Второй мировой войне является попыткой переписать историю»². Ниже приведен интерпретационный анализ некоторых фрагментов данного заявления.

(6) *The death toll of Nazism, fascism and communism is obvious for people of our generation. It is also obvious who is responsible for those crimes – and whose pact started World War II, the most murderous conflict in the history of humankind* (Число погибших от нацизма, фашизма и коммунизма очевидно для людей нашего поколения. Также очевидно, кто несет ответственность за эти преступления и чей пакт положил начало Второй мировой войне, самому кровавому конфликту в истории человечества). Объединение нацизма, фашизма и коммунизма в пресуппозиции (*The death toll of Nazism, fascism and communism*) смещает ценностное отношение к тоталитарным режимам, уравнивает их. Указание, что число погибших очевидно только для определенной группы людей, придает значимости адресанту как обладателю знаний не для всех (*obvious for people of our generation*). Псевдологическая связка «также ясно/очевидно» (*It is also obvious who is responsible for those crimes*) повторяет лексему (*obvious*) и смещает смысл предложения к ответственности за те преступления. Импликация лиц, ответственных за убийства набирает обороты и усиливается указанием на подписанный ими пакт, якобы послуживший причиной войны (*and whose pact started World War II*). Далее интеллектуальная напряженность дискурса интенсифицируется посредством словосочетания с негативно-окрашенным оценочным прилагательным в превосходной степени как самого смертоносного конфликта за всю историю человечества (*the most murderous conflict in the history of humankind*). Происходит активация механизма имажинеринга в подвиде «искривление».

(7) *Our country was the first to experience the armed aggression of Nazi Germany and Soviet Russia*. Переименование названия государства USSR на *Soviet Russia* способствует дрейфованию смысла и связывает ответственность за действия СССР тех времен с современной Россией. Такой перенос акцентов и объединение государств интерпретируем как действие механизмов дефокусирования и позиционирования в подвиде единения.

(8) *Thanks to Stalin, Hitler could conquer new countries with impunity, lock Jews from all over the continent in ghettos, and prepare Holocaust – one of the worst crimes in the history of humankind* (Благодаря Сталину Гитлер мог безнаказанно завоевывать новые страны, запирать евреев со всего континента в гетто и готовить Холокост – одно из самых страшных преступлений в истории человечества). В то же время фигура советского вождя возводится в ранг значимых и влиятельных фигур, от которых

¹ Statement by the Prime Minister of Poland Mateusz Morawiecki URL: <https://www.premier.gov.pl/en/news/news/statement-by-the-prime-minister-of-poland-mateusz-morawiecki.html> (дата обращения: 25.04.2020).

² Историк обвинил Польшу в позорной фальсификации итогов Второй мировой URL: <https://ria.ru/20200122/1563702257.html> (дата обращения: 25.04.2020).

зависит будущее всего мира (*thanks to Stalin*), благодаря кому Гитлер смог безнаказанно (*with impunity*) совершить ряд антигуманных действий против евреев (*lock Jews; prepare Holocaust*). Связывание авторитета Сталина и безнаказанности действий Гитлера позволяет сместить внимание адресата на Сталина, сконструировать негативное отношение адресата к Сталину, тем самым рефреймировать ситуацию. Можно выделить таким образом действие механизмов фокусирования, рефреймирования, стратегии создания круга «чужих» и дискредитации.

(9) *Communist leaders, Joseph Stalin in the first place, are responsible for all these crimes. Eighty years after World War II started, attempts are made to rehabilitate Stalin for political goals of today's President of Russia.* (За все эти преступления несут ответственность коммунистические лидеры, и в первую очередь Иосиф Сталин. Спустя восемьдесят лет после начала Второй мировой войны предпринимаются попытки реабилитировать Сталина ради политических целей сегодняшнего президента России). Декларативное утверждение о виновности всех коммунистических лидеров, в особенности Сталина, во всех преступлениях (*Communist leaders, Joseph Stalin in the first place, are responsible for all these crimes*) является явным преувеличением, искажением, псевдоумозаключением; таким образом, не отражает реальность, а конструирует ее. Так конструируется альтернативная реальность, выгодная адресанту, посредством стратегии моделирования альтернативного прошлого. Дальнейшее указание, что производятся попытки реабилитировать Сталина ради политических целей современного Президента России (*attempts are made to rehabilitate Stalin for political goals of today's President of Russia*) основано на активации механизма спин-докторинга. Однако конструирование предложения в страдательном залоге позволяет адресанту не указывать однозначно, кто является актором попыток, тем самым позволяет избежать прямого обвинения.

(10) *President Putin has lied about Poland on numerous occasions, and he has always done it deliberately* (Президент Путин неоднократно лгал о Польше, и всегда делал это сознательно). Двойной речевой акт прямого обвинения во лжи (*has lied; has done*) в видовременной форме Present Perfect указывает на результат к настоящему моменту, чем усиливает воздействующий эффект. Использование уточняющего атрибутивного словосочетания (*numerous occasions*), повтор грамматической формы с уточняющим наречием времени – всегда (*always*) и наречием, выражающим злостное намерение (*deliberately*), интенсифицируют аксиологический сдвиг, активируют механизм имажинеринга в подвиде интенсификации.

(11) *"This usually happens when Russian authorities feel international pressure related to their activities – and the pressure is exerted not on historical but [the] contemporary geopolitical scene"* («Обычно это происходит, когда российские власти ощущают международное давление, связанное с их деятельностью – и давление оказывается не на исторической, а на современной геополитической сцене»). Субъективное объяснение причин действий российских властей (*This usually happens when ...*) демонстрирует знание их чувств (*feel international pressure*), что не аргументировано логически. Попытка переключить адресата на эмоциональное мышление,

описывая чувство давления, уточнение, что это давление проявляется не только по отношению к исторической, но и современной геополитической сцене, активирует механизм имажинеринга в подвиде гиперболизации.

(12) *“Without Stalin’s complicity in the partition of Poland, and without the natural resources that Stalin supplied to Hitler, the Nazi German crime machine would not have taken control of Europe”* («Без соучастия Сталина в разделе Польши и без природных ресурсов, которые Сталин поставлял Гитлеру, преступная машина нацистской Германии не взяла бы под свой контроль Европу»). Прямое указание на соучастие Сталина (*Stalin’s complicity*) в разделе Польши, так же, как и поставка природных ресурсов Гитлеру (*Stalin supplied to Hitler*) активируют механизм позиционирования в подвиде оппозиция. Пресуппозиция, что Гитлер и Сталин противопоставляются Польше и Европе, позиционируется как отношение врагов и невинных жертв. Использование сослагательного наклонения нереального типа (*would not have taken control*) подталкивает адресата к мысли, что именно Сталин послужил причиной захвата контроля над Европой, и без его участия этого бы не произошло. Такая двойная пресуппозиция, что Сталин помогал Гитлеру и сам хотел взять Европу под контроль, может легко запутать некритически мыслящего адресата. Следовательно, здесь тоже наблюдается действие механизма спин-докторинга. Метафорическая конструкция «Нацистско-немецкая машина для преступлений» (*the Nazi German crime machine*) включает образно-эмоциональное мышление, активирует механизмы метафоризации и имажинеринга в подвиде драматизации, что служит еще одним суггестивным средством воздействия на подсознание адресата. На рисунке 3 представлена когнитивная модель инструментов конфликтного дискурса Моравецкого.

Рис. 3. Когнитивная модель инструментов конфликтного дискурса М. Моравецкого

Figure 3. Cognitive model of conflict discourse tools by M. Morawiecki

К выводам

Очевидно, что переосмысление, переноминация и переоценка катастрофических событий прошлого, которые на самом деле намеренно сконструированы адресантом, а преподносятся аудитории как реальность, выявляют действие механизмов спин-докторинга, фреймирования, рефреймирования, фокусирования, дефокусирования, имажинеринга, метафоризации и позиционирования. Конструирование негативного сценария прошлого выдается за реальное состояние дел, может запутать адресата со сниженным уровнем сознательности, аналитичности и критичности при восприятии подаваемой таким образом информации. Суггестивное воздействие беспрепятственно проходит когнитивный фильтр адресата, проникая на глубинный ценностный уровень и воспринимается им уже как собственные мысли.

Как показывает анализ современного медийного дискурса в интернет-пространстве по рассматриваемому топику, множественные интерпретации начала и итогов Второй Мировой войны получили широкое распространение в западных СМИ. Как следствие, для российского государства становится необходимым представить широкой общественности первоначальные исторические факты, подтвержденные официальными документами. Представленный в данной статье анализ ответного заявления российского Президента демонстрирует достойный аргументативный ответ, не выходящий за рамки рациональности и документально подтвержденной информации. Подчеркнем, что российские государственные и политические деятели В. В. Путин, М. В. Мишустин, С. В. Лавров и др. разговаривают языком логики, рационализма и прагматизма, а их европейские оппоненты, наоборот, языком негативных эмоций. Так, рассмотренная европейская резолюция не гнушается намеренными искажениями исторических фактов для оказания максимального воздействия на адресата. По этой причине диалог с условным Западом оказывается в настоящее время практически невозможным на психолингвистическом уровне.

Смещение духовных ценностей и фальсификация исторических фактов на Западе приобретают характер дискурсивных технологий по смене идеологических, социально-политических позиций не критически мыслящего адресата и формирования антироссийских аксиологических ориентаций молодого поколения. Лингвистическая экспертиза текстов, критический дискурс-анализ и метод деконструкции нацелены на выявление истинных смыслов и скрытых интенций адресанта. Таким образом, исследователи, работающие в разных социо-гуманитарных областях, в том числе лингвисты и дискурсивные технологи могут способствовать раскрытию глубинных ценностных, суггестивных смыслов, заложенных в дискурс и конструирующих альтернативный мир. Последнее делает подобные работы весьма актуальным для политологии, политической социологии и практической политики.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: ЯРК, 1999. 896 с.
3. Володина М. Н. Социальная и информационно-языковая роль текстов массовой коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / Под ред. А. Г. Пастухова. Орел: ОрГИК, 2015. С. 20–26. EDN: WEWJEN.
4. Герман И. А. Лингвосинергетика. Барнаул: АлАЭП, 2000. 161 с.
5. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999. 130 с.
6. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
7. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
8. Иванов В. Н., Сергеев В. К. Всегда Великая Победа. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 264 с. EDN: FSRPHN.
9. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСК, 2014. 320 с.
10. Карасик В. И. Язык социального статуса: монография. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
11. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ...д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.
12. Ким Л. Г., Беляева Е. С. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста // Вестник ТомГУ. Филология. 2019. № 57. С. 48–62. DOI: 10.17223/19986645/57/3; EDN: ZAYFML.
13. Леонтьев А. А. Психология общения: уч. пос. 5-е изд., стер. М.: Смысл; Академия, 2008. 368 с.
14. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2020. 344 с. EDN: YWMHLD.
15. Лотман Ю. М., Гаспаров М. Л. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
16. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия. 1979. 151 с.
17. Назария С. М. Июньские 1940 г. события в Бессарабии и их трактовка в современной историографии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 92–101.

18. Плотникова С. Н. Технологизация дискурса в современном обществе / Под ред. С. Н. Плотниковой. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 320 с.
19. Романов А. А., Морозова О. Н., Романова Л. А. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации. 2015. Т. 1. № 39. С. 1–31. EDN: TWAIWX.
20. Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3(24). С. 13–18. EDN: RBWOPZ.
21. Скрипникова А. И. Фреймирование и рефреймирование в масс-медиа // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1235–1238.
22. Толдова С. Ю. Структура дискурса и механизм фокусирования как важные факторы выбора номинации объекта в тексте. Автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.19. М., 1994. 22 с.
23. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков: Гум. Центр, 2004. 336 с.
24. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 424 с.
25. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В. И. Емельянова. М.: Мир, 1980. 404 с.
26. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. М.: Петрополис, 1998. 432 с.
27. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
28. Якоба И. А. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // Ученые записки ПетрГУ. 2019а. № 3(180). С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.315; EDN: SWJYGM.
29. Якоба И. А. Деконструкция технологии «Окно Овертона» в американском медийном дискурсе // Вестник ЧерГУ. 2019б. № 5(95). С. 175–187. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-14; EDN: OZJLBP.
30. Яноу Д., Хульст М. ванн. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1-2. С. 87–110. EDN: NYKOVH.

Получено редакцией 19.04.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Якоба Ирина Александровна, доктор филологических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры иностранных языков №1, Иркутский национальный исследовательский технический университет; профессор кафедры лингвистики и лингводидактики, Иркутский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6

The Constructed and the Real in Mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia

Irina A. Yakoba

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia;
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

E-mail: irina_yakoba@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0443-4685

For citation: Yakoba I. A. The Constructed and the Real in Mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 93–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.6; EDN: EUNEOQ.

Abstract. The construction of discourse as a method of influence in the modern media space is becoming increasingly widespread. The influencing potential of discourse is revealed through modelling the evaluative interpretation of a discursive attractor event in the mass media space. This study identifies and demonstrates the features of constructing new value systems of an attractor event in media discourse to shift ideological values and rewrite historical facts from a given ideological position. The object of the study is the referent of the events of the Great Patriotic War (World War II), the anti-Russian interpretation of which is presented in the resolution of the European Parliament “On the importance of preserving historical memory for the future of Europe” and the statement of M. Morawiecki to the response statement of V. V. Putin at the informal CIS summit. Axiological analysis, interpretive analysis in line with inference, cognitive modelling, critical discourse analysis and the deconstruction method have been used as the research methods. The study demonstrates how this resolution and Morawiecki’s statement construct a false interpretation of the historical facts of the Second World War to shift the addressee’s values, activating linguistic-cognitive mechanisms: spin-doctoring, focusing, defocusing, framing, reframing, positioning, imagineering. As a result of the study, conclusions are drawn about the potential of discursive tools for ideological influence on the addressee.

It has been revealed that the renomination and revaluation of catastrophic events in the past, which are the addresser’s imagination, are presented as reality. An alternative scenario of the past is constructed, which is presented as the real state of affairs, which can confuse the recipient with a reduced level of criticality when perceiving the suggested information. Consequently, it is assumed that the addresser’s manipulative influence is aimed at changing the addressee’s values. The development of discursive technologies to change the socio-political positions of the uncritically thinking addressee and the formation of anti-Russian axiological orientations of the younger generation contribute to the displacement of higher values, and the arbitrary interpretation of historical facts in the West is becoming regular. The presented cognitive models of new constructed political positions contain axiological attractors, linguo-cognitive mechanisms and discursive strategies identified in the process of analysis.

Keywords: discourse construction, interpretation, axiology, assessment, war

References

1. Arutyunova N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. [Types of language values: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988: 341 (in Russ.).
2. Arutyunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, YaRK, 1999: 896 (in Russ.).
3. Volodina M. N. Social and information-linguistic role of texts of mass communication. Genres and types of text in scientific and media discourse. Ed. by A. G. Pastukhov. Orel, OrGIK, 2015: 20–26 (in Russ.). EDN: WEWJEN.
4. German I. A. Lingvosinergetika [Linguistics]. Barnaul, AlAEP, 2000: 161 (in Russ.).
5. German I. A., Pishchalnikova V. A. Vvedenie v lingvosinergetiku [Introduction to linguo-synergetics]. Barnaul, 1999: 130 (in Russ.).
6. Derrida J. O grammatologii [About grammar]. Transl. from fr. and introd. by N. Avtonomova. Moscow, Ad Marginem, 2000: 512 (in Russ.).
7. Derrida J. Pis'mo japonskomu drugu [Letter to a Japanese friend]. *Voprosy filosofii*, 1992: 4: 53–57 (in Russ.).
8. Ivanov V. N., Sergeev V. K. Always a great victory. 3rd ed., rev. and expand. Moscow, FNISCRAN, 2020: 264 (in Russ.). EDN: FSRPHN.
9. Iriskhanova O. K. Iгры fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, YaSK, 2014: 320 (in Russ.).

10. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa [Language of social status]. Moscow, Gnosis, 2002: 333 (in Russ.).
11. Kim L. G. Variational-interpretative functioning of the text: theoretical and experimental research. dis. ... dr. philol. sc. Kemerovo, 2010: 405 (in Russ.).
12. Kim L. G., Belyaeva E. S. Pre-text expectations of the addressee as a factor in the variability of the interpretation of a political text. *Vestnik TomGU. Philologiya*, 2019: 57: 48–62 (in Russ.). DOI: 10.17223/19986645/57/3; EDN: ZAYFML.
13. Leontiev A. A. Psihologija obshhenija [Psychology of communication]. 5th ed. Moscow, Smysl; Akademija, 2008: 368 (in Russ.).
14. Linguistics of information-psychological warfare: monograph. Book III. Ed. by A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, SFU, 2020: 344 (in Russ.). EDN: YWMHLD.
15. Lotman Yu. M., Gasparov M. L. O pojetah i poezii: Analiz pojeticheskogo teksta [About poets and poetry: Analysis of the poetic text]. St. Petersburg.: Iskusstvo-SPb, 1996: 846 (in Russ.).
16. Minsky M. Frejmy dlja predstavlenija znaniy [Frames for knowledge representation]. Moscow, Jenergija. 1979: 151 (in Russ.).
17. Nazariya S. M. June 1940 events in Bessarabia and their interpretation in modern historiography. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 2013: 4: 3: 92–101 (in Russ.).
18. Plotnikova S. N. Tehnologizacija diskursa v sovremennom obshhestve [Technologization of discourse in modern society]. Ed. by S. N. Plotnikova. Irkutsk, IGLU, 2011: 320 (in Russ.).
19. Romanov A. A., Morozova O. N., Romanova L. A. Spin-doctoring construction of mental representations in the system of public communication. *Mir lingvistiki i kommunikacii*, 2015: 2: 39: 1–31 (in Russ.). EDN: TWAIWX.
20. Serebrennikova E. F. Aksiologicheskaja parametrizacija social'nogo diskursa [Axiological parametrization of social discourse]. *Vestnik IGLU*, 2013: 3 (24): 13–18 (in Russ.). EDN: RBWOPZ.
21. Skripnikova A. I. Frejmirovanie i refrejmirovanie v mass-media [Framing and reframing in mass media]. *Molodoj uchenyj*, 2014: 4: 1235–1238 (in Russ.).
22. Toldova S. Yu. Struktura diskursa i mehanizm fokusirovanija kak vazhnye faktory vybora nominacii ob'ekta v tekste [The structure of discourse and the focusing mechanism as important factors in choosing the nomination of an object in a text]. Abstract dis. ... cand. philol. sci.: 10.02.19. Moscow, 1994: 22 (in Russ.).
23. Phillips L., Jorgensen M. V. Discourse analysis. Theory and method. Transl. from Eng. Kharkov, Gum. Centr, 2004: 336 (in Russ.).
24. Haken G. Synergetics. Hierarchies of instabilities in self-organizing systems and devices. Moscow, Mir, 1985: 424 (in Russ.).
25. Haken G. Synergetics. Transl. from Eng. by V. I. Emelyanov. Moscow, Mir, 1980: 404 (in Russ.).
26. Eco U. Missing structure. Introduction to semiology. Transl. by A. G. Pogonyaylo, V. G. Reznik. Moscow, Petropolis, 1998: 432 (in Russ.).
27. Eco U. The role of the reader. Studies in the semiotics of the text. Transl. from Eng. and ital. S. Silver. St. Petersburg, Symposium, 2005: 502 (in Russ.).
28. Iakoba I. A. External and internal parameters of media discourse. *Uchenye zapiski PetrGU*, 2019a: 3 (180): 94–100 (in Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2019.315; EDN: SWJYGM.
29. Iakoba I. A. Deconstruction of the Overton Window Technology in American Media Discourse. *Vestnik CherGU*, 2019b: 5 (95): 175–187 (in Russ.). DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-14; EDN: OZJLBP.
30. Yanou D., Hulst M. van. Frejmy politicheskogo: ot frejm-analiza k analizu frejmirovaniya [Frames of the political: from frame analysis to framing analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2011: 10: 1-2: 87–110 (in Russ.). EDN: NYKOBH.

The article was submitted on: April 19, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Iakoba, Doctor of Philological Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor of Foreign languages Department, Irkutsk National Research Technical University; Professor of linguistics and linguodidactics department, Irkutsk State University